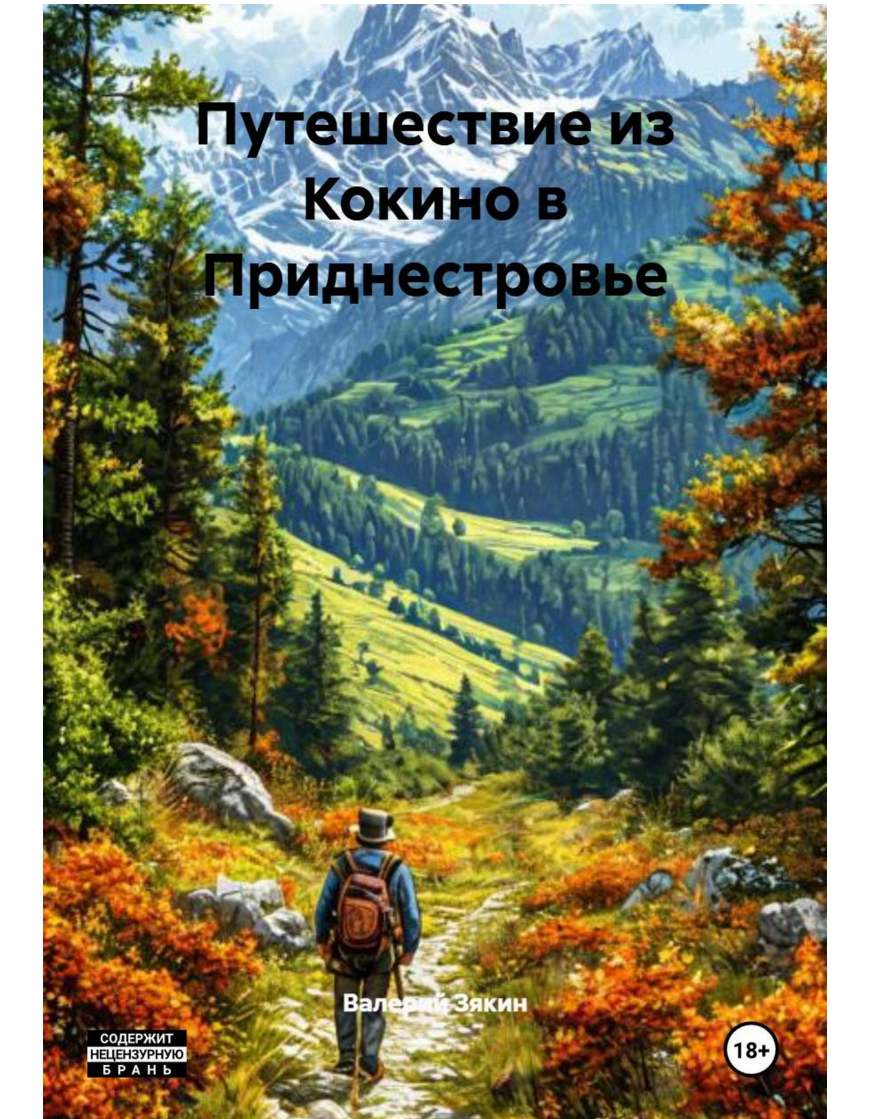

Путешествие из Кокино в Приднестровье

Валерий Зякин

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Валерий Зякин
Путешествие из Кокино
в Приднестровье
Серия «Письма о чванном
и чеканном», книга 3

*<https://litres.ru/73514299>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Приключенческая поэма В.Д.Зякина про его увлекательное путешествие из Кокино в Приднестровье.

Содержание

КОКИНО (ВСТУПЛЕНИЕ)	4
ДОБРУНЬ	7
БРЯНСК	10
БЕЖИЦА	12
УНЕЧА	18
КЛИНЦЫ	21
НОВОЗЫБКОВ	23
ГОМЕЛЬ	27
БЫХАУ	36
РЕЧИЦА	39
ЧЕРНИГОВ	44
БРОВАРЫ	51
КИЕВ	60
ОДЕССА	65
ПРИДНЕСТРОВЬЕ (ЗАКЛЮЧЕНИЕ)	72
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Путешествие из Кокино в Приднестровье

КОКИНО (ВСТУПЛЕНИЕ)

Любыл я русской горад Почап,
Там жел однаждэ долга очэн,
Но мнэ от слова тубаретка
Савсэм уж нэ осталось мочи.

Я сэл на лошаd и поэxал,
И вэтэр был мне нэ памеха.
И так я в Кокино приехал,
И вирус почепский вдруг спал.

Я начал говорить нормально,
Не так, что кто-то в рот насрал.
Надолго я тут поселился,
Шикарнейше я тут разжился.

Подъем, кофий, присел посрать,
Обед, поэт, опять обед.
Никто досуг не мог прервать,
И так прожил я четверть лет.

Ел много плова и котлет,
Имел я множество карет,
Насрал на чей-то я портрет,
И умер вдруг мой старый дед.

В наследство дал он парaped,
Гитару, ложку, табурет,
Гипотенузу и катет
И золотой мешок конфет.

По службе дед мой был кадет,
Ведь жир на службу он кладет.
Был страшно дедушка одет -
На голове носил пакет,

В его усах был виден мет,
Во рту всегда держал кларнет.
И вот на стадии “поэт”
Я дописал свой страшный бред.
Пошел наш Дмитрий Аммиак
Людской народ повергнуть в мрак.

Но как бы не попасть впросак,
Когда писал такой дурак?
Пришли мне полицаи в дом,

Как будто я буржуй-барон!

На суд меня поволокли,
И приговор там вынесли:
Сослать меня до Приднестровья,
Чтоб убирать дерьмо коровье.

Пришлось суду мне подчиниться,
Иначе они будут злиться,
А если государи златься,
Они говном начать кидаться.

Собрал я все свои пожитки,
Нож, вилку, сральню, банку шпрот,
И холодец, и клубок нитки,
Вставную челюсть сунул в рот.

Запряг я ослика, карету,
Перед поездкой съел котлету,
Надел трусы и поскакал,
И вот в деревню я помчал.

ДОБРУНЬ

Я ехал по дороге жуткой
С Гаврилой, бомжиком и уткой.
Извозчик был довольно толстый,

Портрет его довольно броский.
Смотрел в окно я, там в долине,
Где солнце только заходило,
Прошла знакомая моя.
Ее все звали Галечкой,
Она мила и лапочка.
Ее любили все вокруг,
Живот ее как полукруг.
В дальнейшем видел лишь в дороге
Загнившие свои я ноги.

Но взял зачем с собой грибы,
Они мне очень помогли.
Поплыло все вокруг в Добруне,
Играл Аллах мне сам на струне,
Я видел: добрый бегемот
Сует помет себе в живот.

Летает табурет по небу,

Пока летит довольно низко,
Скорее это все к дождю,
А подлетит он ввысь, не близко,
Что будет, лучше промолчу.

Бежит паштет за носорогом,
Бетон с гитарой говорит,
Погода местная красива
И мне в пути благоволит.

И тут смотрю – овощебаза,
Там друг мой Гоги Цидармян.
И вспомнил, мимо едя, сразу,
Что съел вчера я свой кафтан.

Добрунь встречает, и я понял,
Что не грибы я вовсе съел.
То были лишь цветочки с поля,
И я от страха онемел.

Я вышел в местный ресторан,
А там на стуле был банан,
Тут местный свин съедал Коран,
На потолке висел баран.

Я взял меню и заказал

Стандартный местный сброд из блюд,
А на тарелке моей жрал
Слоненка жаренный верблюд.

Явился я на суд суровый,
В добруньский местный туалет.
Санузел был как гниль, зеленый,
Не убирался много лет.

Толчок был странный, – “это шпатель!”,
Приезжий каждый бы сказал,
Но был там запах очень смрадный,
На шпатель каждый местный срал.

Добрунь пугала меня всяким,
От туалета до еды.
В дороге к Брянску долго плакал,
Я больше не вернусь туды!

БРЯНСК

Дорога в Брянск была суровой,
По лесу ехал напрямик.
Как лось под зеленью сосновой
Справлял нужду, я видел вмиг.

С его очка текло дерьмище,
Текло, как время на пути
В то время был весьма я нищий,
Хотел из смрада я уйти.

Но Брянск своей красой могучей
Во мне все чувства пробудил,
Ведь смрад олений был вонючий,
Зачем говно его схватил?

Заводов кучу я проехал,
На паровозы я смотрел,
Рабочий голый всюду бегал,
Его кларнетом я огрел.

Откуда, спросите, я взял
Сей музыкальный инструмент?
Хранил его в своем желудке

Я много долгих славных лет.

БЕЖИЦА

(изменена при редакции 1979г., прим. автора)

Я ехал дальше на осле,
Но врезалась в него попутка.
Я очутился в Бежице,
Что сразу показалась шуткой.

Дома панельные и мусорные баки,
Куски говна и срущие бомжи,
Заводы, трубы и папахи
Оставили свой след в моей души.

Иду пешком по милому району,
На улице неистовый мороз,
Но тут подходит парень в капюшоне,
Я понял сразу: это был не пёс.

До этого я в Бежице бывал:
Собаки меня искушали,
Упал на бошку мне подъёмный кран,
Рабочие за шиворот нассали.

Недавно был здесь Николай

И городом тогдашним восхищался,
В кафе он ел котлету de volaille,
На паровозике катался.

Теперь же в Бежице не рады мне бомжи,
Рабочие камнями не кидают,
Со спутником моим уж поспешим,
Иначе на троллейбус опоздаем.

На остановке ателье
Дедок внезапно поскользнулся,
И молвит спутник: “о, месье
Уж видимо у вас живот раздулся.”

Не удивляйтесь господин,
Здесь всё кардинально лучше,
И нынче срущий гражданин
Твердит: “бонжур, хотите стульчик?”

Неистовое измененье
Тогда во мне произвело,
Неистовое впечатленье,
Но вдруг мне пузико свело.

“Вас как зовут?” – “Ах, я Арсений!
Я самый...” – “Где пакет?” -

“Зачем же вам пакет, Валерий?”

“Готовить буду вам обед!”

Открыл мешок я из брезента,
Где красовался града вид,
И навалил я так, что вместо
Какашечек там был гидрид.

“Месье, прервите испражненья,
Со смены еду я домой,
Я пережил уж все лишенья,
Стоял в подъезде смрад такой.”

“Идите в жопу обалдуи
Вы с галломанией своей!
С ума сошли, теперь вы дурни,
А ты, Арсений, жирный пень!”

На остановке Спортманеж
Я вышел в страхе и поту,
А рядом бежец ел гулеш,
Пора и мне найти еду.

Зашёл я в Пролетарский сквер,
И там насрал.
И бомж неистово хотел

В меня метнуть свой самовар.

А на бульваре Октября,
В глазах возмущенной толпы,
Я ссал на столб от фонаря,
Ну а потом блевал в кусты.

И я перед столовой Колобок
Стою во славе и лучах,
Кассир берёт с меня оброк,
А фартук в очень склизких щах.

Я заливаю все котлеты
Подливою из холодца.
“Валерий, ты попробуй эту,
Рецепт от моего отца.”

Дары Унечи новый суп
И я почётный дегустатор.
Попала гайка мне на зуб,
А был ведь новый карбюратор.

Мечтаю я слетать на Каму,
Мечтаю выучить бурятский,
Но ведь салат Мужска мечта
Не входит в перечень ужасный.

Но я доел и был доволен,
Уже горящее несут.
Сам главный повар Толик
В котлеты заливает суп.

Я пробую и отвращаю
За омерзительнейший вкус.
Котлету в повара кидаю,
Налипла макаронина на ус.

Но здесь заходит главный пишевик,
Красивый и опрятный парень,
За ним идёт большой мужик
И злобно держится за камень.

Арсения тотчас узнал,
Не стал я бить, но все процессы,
Производства он мне показал,
И я от ужаса упал,
Но на память записал.

Сначала взять еды три литра,
Дерьма просроченного таз,
Всё измельчить и через сито
Всю массу пропустить семь раз.

Потом мы долго колдовали,
И духов злых мы призывали.
Хотел попробовать баран,
Но вдруг сознание потерял...

УНЕЧА

С Дебрянском попрощался я,
Поехал дальше в путь далекий,
Но не добра судьба моя:
Дальнейший путь весьма суровый.

Решил я транспорт поменять,
Осел погибнул смертью храбрых,
В итоге смог я все понять,
Себе нанял лягушек ратных.

На жабьей силе я все ехал,
Да и проблем совсем не знал.
И я не мог смотреть без смеха
На то, как бомж в берет насрал.

Из Бежицы почти уехал,
И тут огромный мандарин
Со злобой на меня наехал
За то что толстый я кретин.

И тут Унеча, райский сад,
Эдем, где счастье и покой,
Там каждый бомж счастлив и рад,

И нету слова там “запой.”

Там бегемот спокойно ест,
Там слон спокойно в кружку срет.
Не видел лучше в мире мест,
Красив и ясен здесь устой.

Бюджет кончался, и я понял,
Что мне пора идти пахать.
В то время жил там Дмитрий Лёвин,
Его стремился повстречать

Пошел я к местной водовышке,
Вместо того, чтобы насрать,
Туда повесил я мартышку
И начал долго-долго ждать.

Прилег в кусты и начал есть
Свое постельное бельё.
Потом пришлось на пень присесть,
Украло плед мой ворьё.

И тут я вижу – Дима толстый
Идет мартышку отодрать.
Как рад его я полуголый
В глубине леса повстречать.

Сказал я Диме: “друг любимый,
Дай денег ты мне на пожрать,
О, Дима, милый и красивый,
Мне нечем уже больше срать”.

А Дима: “ладно, не сержусь,
За то, что в рот ты мне насрал,
Тебе на помощь я спущусь.”
Мне этот боров рублик дал.

В Клинцы дорога мне лежит,
Моя карета уж трещит,
Решил лягушек поменять,
Я на осла себе опять.

КЛИНЦЫ

Доехал ослик мой в Клинцы,
Там, где Кирилловы отцы
Легли бухие под забором,
Я гневным их молю укором.

Достал из сумки я фанеру
И скушал я ее отменно!
Но тут мне стало как-то бредно,
И потерял ума я меру...

Проснулся в логове бомжей,
Один ко мне нес бак дрожжей,
И тут внезапно осознал,
Что их обедом я вдруг стал.

Веревками я был привязан,
Костер под мною разжигали,
Оттуда выбраться обязан,
Чтоб жизнь мою так не забрали!

Огонь горел, пылал мой зад,
И я тому весьма не рад.
И вдруг спасительный пердеж

Меня на небо вдруг поднял.
Не заберешь меня, ты, бомж!

Я приземлился, побежал.
Голодные бомжи бегут
За мною прямо по следам.
Надеюсь все они помрут!

И добежал я до осла,
И сразу его оседлал,
Я долбанул его кнутом,
И ослик быстро побежал.

И я подумал тут: “к черту
Пошли вы, гнусные Клинцы!”
И говорю я: “слава Богу,
Что не сводить мне здесь концы.”

НОВОЗЫБКОВ

(добавлена при редакции 1994г., прим. автора)

Ох уже мерзкие Клинцы
Омерзели зело мне,
Чуть не оторвали бубенцы
И вся одежда во говне!

Рисковать так не хочу -
Я купил билет на поезд
И осла сейчас скручу,
Чтобы не платить за проезд.

Электричка в город сей
Меня объятьями встречала,
Заводит бабка сброд гусей,
На лавке корова мычала.

Уже я в двери захожу,
Пакет с ослом еле подъёмный,
Салона запах я сужу
И унитаз весьма объёмный.

Решил сюда осла засунуть,
К перрону вышел покурить,

В бомжа хотел недурно плюнуть,
А паровоз стал уходить.

И я бежал что было мочи,
В электровоз кидал помои.
Хотел я в Новозыбков очень!
Напали на меня обои...

Монтажным клеем по мене
Ударили с огромной силой,
И я лежу теперь в говне,
Не отмоем его мылом.

И я увидел кенгуру,
Сбежавшую со свинофермы,
Бомжи её сейчас сожрут,
Но я туда залезу первым,

Теперь я прыгаю галопом,
Сижу в мешке и пукаю,
Я поместился тама боком,
Кишками сильно булькаю.

Но очутился я в Рожнах,
Неистово так блеванул,
А кенгуру рос на дрожжах

И неожиданно лопнул!

Несите, бомжики, меня,
За это поделюсь я мясом,
И передо мной уже гурьба
И ехал около полчаса.

Нормальный город Новозыбков,
Старообрядцев жирный сход,
Сколько у сябров пупков,
Я посчитал в один заход.

Игумен был моим ослом:
Ислам он принял пока ехал,
Достал рыбак его веслом,
Когда уборщик кинул в реку.

Поехал я и мой осёл
К границе Гомельской волости
Учил меня ковать котёл
В порывах очень сильной злости,
А я тем временем писал,
Как в Новозыбкове поссал.

КОНЕЦ БРЯНСКОЙ ОБЛАСТИ

ГОМЕЛЬ

Я долго ехал до границы,
Вдали шлаббаум увидал,
У воинов там срамны лица,
Они твердили небылицы

О том, что в Гомель не проехать
Бесплатно, надо рубль дать.
Идите в жопу, бюрократы!
И начал я их тяпкой гнать.

Они достали говнометы,
Позвали подкрепленья роту,
На ослике нажал я кнопку,
Включил его турборежим.

Поток говна пошёл из зверя,
Он диареей одержим,
И полетел на нем далеко
Я в белорусские края,

Но вдруг поник понос потока,
Закончилась говна струя.
И я с ослом летел на землю,

И я, и он тогда упал,

Осел смягчил мое паденье,
А сам он смертью храбрых пал.
Его схватил я труп, и грустно,
И жалко бедного осла,

Вдруг на душе мне стало гнусно,
Жизнь без него моя пуста.
И тут в бошку пришла идея,
Столь гениальная затея,

Что я, храня осла в земле,
Пердеть начал один во мгле.
Решил брыжейку я продать,
Чтобы валютой обладать.

Пошел затем на совхоз рынок,
И там еще купил ботинок.
Мой орган туго продавался,
И я с обидою смирялся,

Тут резко толстый господин
Очками между ног водил.
Он подошел ко мне и молвил,
О том, что женится с веслом,

Затем он на бобров злословил,
Куда его, ох, занесло?

В обмен брыжейке дал ботинок,
Позвал кишки на поединок,
Брыжейку мою в рот засунул,
Затем бобру во зад усунул.

Прощаясь с рынком, я ушел,
В дороге мой живот прошел,
Ведь мой прилавок вкусный был,
Что будет по-английски meal.

Пошел по Гомелю гулять,
Там бомж меня решил обнять,
Пошли мы вместе с ним бухать,
Решил он байку рассказать.

“Учитель мой обществознания
С икрой черпал наук познания
Учебники зубами грызла,
Не подходили мы к ней близко.”

О многом он мне говорил,
На сколько страшен Галав пыл,
Какой Перун, наш Бог, красавчик,

Затем о том, как срал в футлярчик.

Любил он байки потравить,
В мой мозг, как в туалет, их смыть,
Прощаться с ним я был не рад,
Он подарил познаний клад.

Решил в кабак пойти попить,
Чтоб бредни страшные забыть.
Себе я бутер заказал,
На кассу жидким мощно срал.

Приняли это за оплату,
С меня не требовали злату,
Подали чудо кулинарно,
Была оно весьма вульгарно.

Там вместо булки ламинат,
Мне отколол здесь повар Влад,
В нем были пальцы, хвосты кошки,
Хокейны клюшки, мандавошки.

Все это с гордостью я съел,
Весь персонал вдруг обомлел.
Как я все это проглотил?

Ответ узнал лишь Бог один.
Затем запил я бутер пивом,
Намазал губы гуталином,
Пошел по Гомелю гулять,

Про город правду узнавать.
Летит корова над рекой,
Она зовет меня с собой,
Крутить вдруг задом я начал,
За выемм вслед в небо я помчал.

Красивы виды всюду были,
Бомжи зубами грунт пилили,
А на церковном главном здании
Скрывалась мировая тайна.
Стоял огромный там маслёнок,
Что был могуч уже с пелёнок.

В руках своих держал паркет,
С которым рос он с малых лет,
Корову в воздухе догнал,
И ручкой мило ей махал.

Из вымя вылетел енот,
Залез он резко мне в живот,
Упал на выставку искусств,

И слышал я из всяких уст:

“Сегодня будет представление,
Что ввергнет люд весь в удивленье,
Дюрок там был с бошкой жирафа,
Он был там что-то типа шкафа.”

В спортзале бешеный нарвал
Гимн белорусский нам играл,
Тюлень жонглировал кишками,
Петух там торговал горшками.

Кокетливо звучал комод,
Летала дверь под облаками,
Кричал на камень кашалот,
Избил язь окуня ногами.

Фонарик проволоку ел
И про контральто что-то пел.
Фанеру пилит контрабас,
На струнах он играет джаз.

Жираф бьет стулом перепёлку,
Кот ищет базовую кромку
На той фанере, что пилил
Наш контрабас изо всех сил.

Бьет кафедру безумный крот,
Поет бордюр стихотворенье,
Его послушал весь народ.
Он сублимировал варенье
И прям в толпу его кидал,
За что его я тяткой гнал.

В музее был прекрасен всяк,
Но от него спаси нас, Боже!
И думает любой простак,
Что красота все тут, быть может.

Гомельский монолог

Но понял я – фальшивка все,
Ненастоящая культура,
Советский гнет не оправдать.
Союз бесславной диктатуры!
Я помню славную Россию,
И как она была красива,
Озера, реки, городища,
Равнины, горные массивы.
И нынче лишь голодный сброд,
Забыли славу наших лет,

И их глава – больной урод,
И их “свобода” – страшный бред.
Забыли Бога вы, друзья!
Вам его помнить запретили,
Советам подчинились зря,
От веры себя оградили!
Кто ты, мой друг, забывший веру,
Вступивший в грязный славь сброд,
Как можно было бросить смело
Царя и свой больной народ?
Тот генерал, кто оступился,
Принял советские войска,
За это честью поплатился,
И ждет его в аду тоска.
Ты не задумался в минутку
Отчизны выбора обед,
Что будешь ты казнен за шутку,
Иль заключен на много лет?
Ведь критики не терпит власть,
Большая, хрупкая держава.
И я уверен, в трудный час,
Они всех не удержат нас
И не спасутся от развала!
Я наказания не боюсь
За критику советской власти
И с жертвой чести не смотрюсь,
Идеологии клянусь.
Но мне лежит далёкий путь
В Быхау, страшно думу дуть,

О том, что может меня ждать
И как бы мне пупок продать.

БЫХАУ

(изменена при редакции 1994г., прим. автора)

Я ехал нынче не далече:

Быхау – город небольшой,

И ждал я очень важной встречи

Своей брюзгливою душой.

Ямщик, бывало, на ухабах,

Ругался матом на землю,

Как в детских играх и забавах

Блевали мы в чрево коню.

И молодость решил я вспомнить

И пёрднуть под нос ямщику -

Хотел я вежливость напомнить,

Но вдруг достал он кочергу.

А конь поносивком залился

И вдруг свернул с того шоссе,

А с крыши мальчик вдруг свалился

И обоссал пакет с драже.

Ямщик достал котёл,

На голову мене одел,

У козы он принял отёл -
В меня козлёнок полетел.

А рядом свинка поросится -
Дюрочки малые летят,
И мой ямщик как в небылицах
Суёт мне хрюшек прямо в зад.

Тот мальчик посмотрел на нас
С презрением, как будто съел
Конины просроченной таз,
И я в секунду обомлел.

У мальчика усы, как брюки,
И пузо, как у мужика,
Как будто он объелся брюквы
И обосрал под три горшка.

Его назвали Александром,
За схожесть дикую с ведром,
А пахло мерзко кориандром,
Наверно, красил он забор.

Я клубень дал ему в награду
Картохи высшего сорта,
Что ямщика ногой по заду

Ударил весело, слегка.

Он посмотрел на клубень, понял,
Что сила в нём заключена,
Его отца зовут Григорий,
Он ест собачий корм до дна.

Когда покакал я маленько,
Я понял: предо мной стоял
Сам Александр Лукашенко,
Ведь он картофель восхвалял!

Я в гневе крикнул: “ты постой,
Картофель мерзок для желудка
И у меня в кишках застой,
Подумай, это ведь не шутка!”

И, впрочем, Почепский район
Всю Беларусь картохой кормит,
И говорил поэт Байрон,
Что от него скотинадохнет.
Но наш Санёк не перестал,
Сажать везде картоху стал.

РЕЧИЩА

Когда из Быхова я ехал,
Меня внезапно прорвало,
Ямщик почти что умер с смеху,
Что диарею вызвало.

И понял я свою ошибку,
Что зря брыжейку я продал -
Говно, как пиво, очень жидко
От испражнений я страдал.

Валялся долго на дороге,
Проехал мимо бегемот,
Хотел уж съесть свои я ноги,
Вёз дед какой-то птиц помёт.

А на обочине срал хряк,
Бомж разговаривал с забором,
И погрузился мир во мрак:
Напал на нас мужик с топором.

Он начал бить нас сильно, сильно.
(Меня и дуреня бомжа)
Что аморально очень было,

Тупая, мерзкая туша.

Решил я дать ему червей,
Которых съесть хотел на ужин,
Но лесоруб был дуралей -
Такой оброк ему не нужен

Но тут приехал вытрезвитель,
Нас стали быстро забирать,
Кричал на доктора водитель,
А бомж от горя начал срать.

Оказался бомжик срущий
Очень милым боровком,
Превысокомногорассмотрительствующим
И умным толстяком

Говорил тогда забору
Про страну и про колхоз,
Про чиновников нажору,
Про коров, свиней и коз.

Вот мы едем на телеге,
Лесоруб бомжа душит,
Оказались на ночлеге,
Что меня уже смешит.

В Речице то заведение
Приобрело огромный спрос,
За плохое поведение
Чистить стали мы навоз.

А мой друг-философ новый
Начал мысли излагать,
Как народ на самом деле
Стали власти угнетать.

Что всем людом, как дермищем,
Стали свиньи управлять
Что теперь и в Слободище
Можно даже в церковь срать!

За заводы, целину
Заплатили слишком много,
Рожь идёт на корм скоту,
Мы грызём свиную ногу!

Можно дальше продолжать
Говорит с бомжом о смраде,
Но мне нужно забирать
Мою брыжейку в детском саде.

Друг мой сам работал там,
Деток малых бил веслом,
Может, рубль ему дам,
Чувствую себя ослом.

Есть один народный способ
Мне брыжейку отобрать:
Мужика облить навозом,
Пнём по пузу надавать.

С бомжом вошли уже мы к детям,
Дуэль на тяпках началась,
Покажем мы дебилам этим,
Как честно споры все решать.

Я начал бить его мотыгой,
Мужик пытался убежать,
Догонял его, и пяткой
Продолжал пинать и срать.

“Я не брал твою брыжейку,
Недоумок и урод!
Перепутал ты маленько -
Детям срал сегодня в рот!

Ты меня так надурил

Дал консервы с бужениной,
Думаешь, что я забыл,
Как притворялся ты кониной?”

За этой сценой наблюдали
Дети, дедушки, отцы.
Поскорей отсюда свалим -
Оторвут щас бубенцы.

КОНЕЦ БЕЛАРУСИ

ЧЕРНИГОВ

В Чернигов ехал я спокойно,
Свинья со мной вошла в лады.
Она была как объединенье,
Как Дмитрий чистой красоты.

Поездка была мимолётной,
Зато еда была зачётной.
Собрал грибов в округе я,
Ведь они вкусные, друзья!

Чернигов – милый город был.
Там бомж Валера суд пилил.
Его там сочно обосрали
И смрадом рыбьим обкидали.

Он недоволен был судьёй,
Ведь тот был толстой попадьюй.
Но, впрочем, мирный город был,
Ведь сральник тут Перхат открыл.

Столовая меня манила -
Она всех местных тут кормила.
Зашёл туда я подкрепиться,

Но надо ж мне так ошибиться!

Как блюдо мне преподнесли,
Так сразу гнилью завоняло.
Грибы тут вновь меня спасли -
Под ними, как под одеялом!

Спокойно порцию я съел
С гнилыми яйцами и смрадом.
И чуть я весь не обомлел -
И повар был тут явно гадом!

А, впрочем, мне не привыкать
К стандартным новшествам сих блюд.
И, как бы стол не заблевать,
Ждёт поваров небесный суд.

В столовой зеркало лежало.
Когда взглянул в него – дрожало.
Боялось бедное стекло -
Как пережить оно смогло?

Мой вид ужасен был, пожалуй,
Я был там как пчелой ужален.
Зарос я будто бы сорняк,
Прекрасен был лишь гордый фрак.

Пошёл в салон я красоты -
Там мастера все в шоке были.
Такой ужасной срамоты
Там никогда бы не забыли!

Поручено меня подстричь
Работнику на стажировке.
Его начальник начал бить,
Но вдруг стажёр достал винтовку.

Туда он зарядил морковку,
Нажал он резко на курок.
Такой он славный был Дюрок -
Сумел буржуя застрелить

.

Но стричь меня же всё же надо -
Позвали паренька со склада.
Не стал он стричь мои кудряхи -
Подстриг малец меня в монахи.

Его за хитрость пощадили,
А волосы мне отпилили!
Ну, я подумал – с ними бог,
Оттуда плинтус уволок.

После сей мероприятий
Хотелось мне простых объятий.
Пошёл попить пивка в кабак,
Как местный Ванечка-дурак.

Узнал про жизнь простых рабочих,
Узнал, кто чем там озабочен,
И понял я простую вещь -
Поможет от простаты клещ.

Народ прекрасен только в пьяни,
Не слышал в жизни больше брани.
Прилёг на стол я отдыхать,
Но не давал мне бомж поспать.

Он рассказал мне, как недавно
Сожрал удава он угарно.
О том, как толстый бегемот
Сувал помёт себе в живот.

А я ему же поведал
О том, как я в Добруне срал,
Как бомж меня чуть не сожрал
И как я в Гомеле блевал.

Того бомжа звали Перхат -

Я нашей встрече очень рад.
Он рассказал, что мой фанат
И книги чтит как сущий клад.

Наш разговор всех утомил -
Всем надоели наши крики.
Работник жральни нас избил
И посадил он нас на пики.

Нас кинули в ближайший куст,
Там, где недавно срал мангуст.
Там до утра я пролежал,
Потом в депо я побежал.

На поезд я купил билет -
Кассир был очень жирный дед.
Ах, где-то видел я его,
Уж не припомню ничего.

Но был у деда смрадный плед,
Что, видно, гнил там много лет.
А я мчусь собирать грибы
В красивый город Бровары.

Пред тем, как в поезд дивный сесть,
Мне вновь хотелось сильно есть.

В столовую идти не стал -
Травиться сильно я устал.

Вцепился я зубами в грунт -
Был очень вкусен карборунд.
Траву жевал я, как корова,
Но благо её было много.

Я очень сытно подкрепился,
На поезд вскоре торопился.
Дошёл за час я до депо,
Что ждёт меня уже давно.

Кондуктору билет я дал -
Меня тот боровком назвал.
Я сел скорей на своё место -
Мужик напротив месит тесто.

Там бабка продаёт горшок,
А сын её грызёт сапог.
Сосед мой ел собачий кал -
Его я олухом назвал.

Такой компанией я ехал
В прекрасный город Бровары.
А где грибы? Ах, вот потеха -

Спасти меня здесь не смогли.

И гнил я среди простого люда

Без спасительного блюда.

Мне было грустно и ужасно -

Грибы в лесу я рвал напрасно.

Их где-то я в депо забыл,

Ведь очень толстый я дебил.

БРОВАРЫ

Месяц плывет
И тих и спокоен
А мой поезд быстро
В Бровары идёт
Там божик какашками срет
Кондуктор на него орёт:
Тупой бомж смелее
Ты какой помногу
Мы едем к востоку
В большую дорогу
Говно убери ты
Говну изменивший
Изменой кровавой
Туалет не сразивши
Погибнет без славы
Пупок его крот не развяжет
Говняшки ему не покажет
Месяц плывет
И тих и спокоен
А мой поезд быстро
В Бровары идёт

Досрал злой бомж свое говно

И скушал он его отменно
Я не обедал уж давно
И сделал также непременно!

Говном наестся я был рад,
Но злой бомжа увидел взгляд
Он недоволен совсем был
Что я его говно пилил

Готов сорваться он с цепей
Как страшный жирный зверь степей
Пупок поврать он мне готов,
Но боевых достал кротов!

Кроты вцепились вдруг в бомжа,
И скрылся он в тени, дрожа.
Обрадовался я победе
И дальше думал об обеде.

Но тут кроты в меня помчались,
Говно хотели своровать.
Его они взять не успели,
Ведь я успел его сожрать.

Летел в окно за своим кладом,
Смог свежим насладиться смрадом,

Кишки свои я подбодрил,
Желудок сжалиться молил.

Мне километр до Броваров,
До очень вкусеньких грибов.
Там жил мой милый друг Андрей,
Он очень жирный бармалей!

Он кушать любит бутерброды,
Кишки оленьи, банки, шпроты
Водил автобус в Броворах
И разбирался он в грибах.

Меня до Броворов подбросил
Мой милый, давний, толстый друг,
Но в городе меня он бросил,
С чего же так? Он формой круг!

Уже темнело, вечерело,
За горизонт упало солнце.
Вдали увидел домик с фермой,
И фермер посмотрел в оконце.

Увидел он вдали меня,
Мои прогнившие колени,
Я выглядел тупее пня,

И фермер спрятался под тени.
Взял вилы, тяпку, дом храня,

Во страхе фермер ждал меня.
И очень мне не повезло,
Я захотел пожрать барана,
И внемля громкий стих Корана,

С веслом на ферму побежал.
Я забежал и осмотрелся,
И вдруг – удар: пастух напал!
Но на ногах я устоял,

Зубами фермер в меня вьелся.
А я его огрел веслом:
Он поражен тупым ослом.
Я взял барана, побежал,

А фермер меня догонял.
Созвал он весь народ рабочий,
А я бежал что было мочи.
В меня кидали тяпки, вилы,

Убить меня хотели очень,
И фермер был там очень милый.
Но тяпкой вдруг в меня попали,

Ноги мои не устояли,

Упал лицом в говна громады,

И начал я просить пощады.

Меня в оковы повязали,

Барана и весло забрали,

Поволокли меня на суд.

Я понял: щас мне в рот нассут!

Тушу свою надо спасти,

И начал бредни я нести:

“Я есть великий мэр Унечи!

Вас всех сожгут в доменной печи!

У вас всех будет много бед!”

А мне рабочие в ответ:

“Мы знаем кто ты, ты – поэт,

Кто срал всем в уши много лет,

Критиковал советский гнет,

И смерть тупая тебя ждет!”

Приволокли в крутое место,

В Октябрьский районный суд.

Там стены были все из теста,

А вместо пола был мазут.

И пристав в клетку посадил,

И*** К***** меня судил.
Я вдруг достал электродрель
И распилил надвое дверь.

Откуда, спросите, друзья,
Достал я вдруг сей инструмент?
Хранил его своим я ухе,
Мне сей подарок сделал дед.

Я побежал что было сил,
И тут судья меня спросил:
“Куда ты побежал дурак?
Ты хочешь, чтоб я съел барак?”
Но я не слушал уж его,
Не было важно ничего.

Я прибежал на желто поле,
Не чувствовали ноги боли
И вдруг увидел я спуск в бункер,
И перед спуском скушал юнкер.

Спустился я на глубину,
А в бункере сидел бомжара,
Он что-то крикнул про говно
И вспыхнул вдруг огнем пожара!

От этого я обомлел,
За что Перун с ним так решил?
И до костей бомж догорел,
До сорока он не дожил!

Пошел по бункеру гулять,
Вдруг слышу крик: “Твою то мать!
Он не заводиться, скотина,
Тупая, толстая машина!”

Я побежал на эти крики,
И увидел я света блик,
Увидел светлый коридор,
А из него шумер мотор.

Вдали я сразу увидел:
Ученый на кита орал,
Тот кит летать умел, друзья.
Ему мотор дали не зря.

Я подошел к нему и молвил:
“Тот юнкер идиот готовил!”
И тут ученый мне сказал:
“Я очень часто тут бывал,

Туалет налево в коридоре,

Говна там под землёю море,
Сходи туда, просись немного,
Смыть не забудь, побойся Бога!”

Пошел посрал, пришел назад,
Ученый был мне очень рад.
Помог ему кита чинить,
Но кит меня хотел убить.

Я покормил кита говном,
Засунул ему в рот я бром.
Мы сели внутрь сей кита,
Мотор завел хвостом крота.

Взлетел наш кит говном потока
Своим говном кит землю грел.
Поднялись мы на метров много,
И кит наш в поле полетел.

Мы очень мягко приземлились.
Покинув синего кита,
Пошли с ученым и напились,
Он кукурузу дал тогда.

Он мне сказал: “послушай, друг,
Я очень тебе благодарен,

Я подарю тебе початок,
Поможет тебе очень, барин!”

Мы разошлись, пошел я в поле
И встретил серого слона,
Я дал ему какашки долю,
Наелся вдоволь он говна!

Я приручил слона себе,
Поехал с ним я по тропе.
До Киева мне долго ехать,
Придется много слону бегать.

И вдруг почувствовал: гнилые
Вдруг заживились мои ноги.
Початок странный мне помог,
Прекрасно стало мне в дороге!

КИЕВ

Приехал в Киев на слоне,
Он какал много по дороге.
Теперь же в жидкостном говне
Его гнилые ступни, ноги.

Все как обычно, мне привычно,
Смрад я драил и не лаял,
Но оглянулся вдруг вокруг,
И слышал колоколен звон.

Глазам своим не верил я,
То замок был, мои друзья!
Союз его не погубил,
Сам бог его наш защитил.

Бежал туда я, сломя ноги,
И вот ужасные итоги:
“В ворота гордо забежал,
Мой голос с радости дрожал.”

Ко мне подходит парень в фраке,
В красивой, светленькой рубашке,
В плаще, в туфлях, с платком в руках,

Он там для местных как Аллах.

Спросил меня он, кто я буду,
Подверг меня оценок суду.
Хотел скорее он понять:
За кого меня принять?

Задал он пару мне вопросов,
Как будто я ученый Носов
Откуда, твари, знаю я,
Как пишется и-краткая?

Принял меня дворянин тот
За христианинов народ.
Он предложил земли кусок
Недорого арендовать,

Процентов сорок там оброк
Ему придется отдавать.
И, вспомнив про початок странный,
Который излечил мне раны,

Я согласился на аренды,
И не было с ценой там беды.
Подумал барин, что я буду
Пахат в его земле, вод дурень!

И приподам ему урок -
Не заплачу я за оброк!
Я на участке кукурузы
Один початок заростил.
Не видел барин ту обузу.
Початок творчеством кормил,
Стихи всегда ему я читил:

“О, дорогая кукуруза,
Ты не бойсь, спокойно пузо.
Тебя, красавица, не съем,
Рощу тебя я не за тем.
Ведь я в дали, в далеком крае,
Имущество мое забрали,
Свинарник бедный мой сгорел,
Хотя я богу песни пел.
Ты, кукуруза, мне приятна,
Ты прям как степи необъятна!
Красивы все твои листы,
Как в заднице моей глисты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты!
Ты в жизни сладкое явление,
И вот мое стихотворенье!”

Ей мои ласки помогли,
Мы дружить с ней смогли,
На ней сидел как кура-мама,
Плевал в неё я прям как лама.

Смотрел помещик, удивлялся,
С моей безумностью смирялся
И спрашивал: “ну что, оброк
прибудет в мой чудесный срок?”

Неделя, две, и вот пора
Платить за все, но не беда!
К исходу полностью готов
И с барином я был таков:

“Привет, мой милый недоблюй,
Ищи меня в реке Виллюй!”
Ах, как он сильно обомлел,
Что на початке я взлетел!

Но как, вы спросите, читатель,
Совершил я сея действо?
Но тут скажу я слово шпатель,

Чтоб в вашем сердце было место.

ОДЕССА

Волоса, волоса -
По середине колбаса,
Летел в Одессу в кукурузе,
Вдали виднеет полоса.

А я сижу, рулю штурвалом,
И очень страшно стало мне!
В кабине раньше был бак с калом,
Ну а теперь я весь в говне!

Ведь я летел по облакам,
И тут внезапно – турбулентность,
И вдруг внутри случился срам:
Упал бак с калом – вот нелепость!

Разбрызгалось в салоне все дерьмо
И стало мне в салоне вдруг темно.
Закрыло мне обзор говно,
Но тут включился вентилятор:
Оно взлетело – стало вновь светло,
И тут решил я скушать карбюратор!
Я вырвал тяжести рычаг

Из кукурузы управления.
Я вырвал карбюратор и поел,
И было он вкуснее испражнения.

Но мы вернемся к временам,
Где я почти что приземлился.
Я чуть не врезался в банан,
И мой початок заземлился.

Спикировал пред тем я в небе,
Пытался долго приземлиться,
Но вонь смутила – я упал.
Мне надо было больше мыться!

Но срать на это, впрочем, сел
Початок мой в дали хохлятской,
Там, где за то, что много срал
Лежит солдат в могиле братской.

Курорт красив был, там в воде
Не видел грязного белья,
Но был там лишь кусок говна,
На то лишь воля есть моя!

“Зачем?” – вы спросите, читатель,
Я сру везде, где прохожу,

Но вновь скажу я слово шпатель.
(Так я из темы выхожу)

А, впрочем, вам меня судить,
Пожалуй, вовсе ни к чему.
Не надо меня тяткой бить
И приставлять помёт к челу.

Добротный я мужик на деле,
Борюсь с советским беспределом.
А сру я там, где срёт в народ.
Известный Ленин гриб-урод.

Початок в поле мой взорвался,
И пламенем горел он синим,
Но там мой бегемот остался!
И я за ним помчался клином.

Вошел в горящие обломки,
А там мой бегемот сидел!
Он от огня не обомлел,
Сидел, искал вторую кромку
И одевал свою пелёнку.

Он понял сразу, что пора
Отправиться на нем мне в путь,

Но бегемот сказал сперва:
“Валера, перднуть не забудь!”

Не выдержу я больше смрада,
Прямиком из недр зада,
И поехал бегемот,
В дороге с ним не знал забот.

Ведь мчалось исчадье ада,
Не зная жизненного смрада.
Своим хвостом вилял и срал,
Тем самым счастье в путь нам звал.

Доехал вскоре в центр Одессы,
Вокруг меня кружили бесы,
Рукой махал мне старый дед,
Пустил живот он свой на плед.

Сам сатана спустился вскоре,
Вся нечисть в своем ярком сборе,
Но мне не страшен бесов сброд,
Я предложил им бутерброд.

Схватил из рук моих обед
Тот страшный, очень жирный дед.

Он колбасу и хлеб кромсал,
Затем к похмелью призывал.

Я сразу понял, что запой
Пустил сей город на убой.
Увидел местного я мэра,
Не знал он в алкоголе меры.

И пена шла со рта его,
Челом он плюхнулся в говно.
Погиб так местный старожил,
До сорока он не дожил.

Весь город резко отрезвел
И на клеёнку думать сел.
Кто будет местным мером впредь?
О ком нам всем баллады петь?

И тут решил я вскоре сдуру
Подать свою кандидатуру.
Еще воззвались: бомж Антон,
Клеёнка, хлеб, горох, картон.

Я первый тур не проиграл,
Набрал спокойно я свой балл,
Соперникам я дал абсент,

И тридцать шесть мой был процент!

Клеёнка меня обошла,
В ней что-то публика нашла.
На ней рисунок был с бобром,
А сзади там цыганский дом.

Зверек халупу ту изгрыз
И то был яркий его бис.
Ах, мера выбрать за рисунок?
Все потеряли тут рассудок!

Ну ладно, вскоре второй тур!
Мне в помощь бог и жидкий стул.
Купил костюм мне бегемот,
Кафтан подчеркивал живот.

Штаны с меня всегда спадали,
Бомжи туда опять насрали!
Пошел на площадь городскую,
Меня гнал смрадный свиновод.

Хотел сказать я речь простую,
Но сунули мне кляп прям в рот.

Не смог спасти я город сей,
Сбежать помог мне Еремей.

Мой бомж знакомый, друг любезный,
Какой он, Господи, чудесный!
Клеёнке власть я проиграл...
И вскоре с сильной грустью внял,
Что надо ехать в Приднестровье,
Счищать везде дерьмо коровье.
Я сел на лошадь и поехал,
И было мне уж не до смеха...

КОНЕЦ УКРАИНЫ

ПРИДНЕСТРОВЬЕ (ЗАКЛЮЧЕНИЕ)

Говна и смрадища дорога
Вела из вони в небеса.
Заброшен я по воле Бога
Туда, где счастье, чудеса.

Где нет проблем и нет похмелья,
Где люди радостно живут,
Не из говна, а из веселья
Блаженный мир нам создают.

Дерьма мы много нахлебались,
Черпали ложками навоз,
Мы в испражнениях купались
И резали коров и коз.

Бомжи в дороге мне встречались -
Они лицо проблем сейчас.
В глазницах грязных отражались
Та боль, тот страх и тот ужас.

Остались без долей, без славы,

Лёжа в дерьме на мостовой,
Горожане и селяне -
Рабы сей жизни трудовой.

А за вонючей, грязной тушей
Хранится чистая душа.
Помой его, дружок, под душем -
Простого русского бомжа.

Помогайте же им, братья,
Хоть копейку, хлеб купить,
Хоть огурчик ему дайте -
Он не будет больше пить.

Так, читатель, ну а я
Отлучусь на пару дней.
Мясо курицы едя,
Валерьянки больше пей.

Я купил себе на рынке
Превесёлый контрабас.
Он нассал ко мне в ботинки,
Но об этом – в другой раз...

КОНЕЦ

Тирасполь, 1960

В.Д.Зякин

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.